

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

ЛОШАДЬ (*EQUUS (EQUUS) SP.*) И ЧЕЛОВЕК В ПОЗДНЕМ НЕОПЛЕЙСТОЦЕНЕ УРАЛА¹

П.А. Косинцев, Н.А. Пластеева

*Проведен анализ материалов из памятников среднего и позднего палеолита на территории Урала, содержащих остатки лошадей (*Equus (Equus)*). Показано, что лошадь имела большое значение в разных областях жизни человека. На протяжении всего позднего неоплейстоцена она была одним из основных, а в определенные сезоны и в определенных местах — основным промысловым видом. Кости лошади использовались для изготовления орудий. Лошадь занимала важное место в культовой практике. Промысловая нагрузка на популяцию лошади в верхнем неоплейстоцене была незначительной и не приводила к снижению их численности.*

Палеолит, поздний неоплейстоцен, Урал, лошадь, охота.

Введение

Настоящие лошади (пород *Equus*) являются типичными представителями фауны млекопитающих плейстоцена Северной Евразии [Громова, 1965, с. 60] и соответственно сосуществуют с человеком с момента его появления здесь. Лошадь относится к наиболее продуктивным промысловым видам в силу следующего. Во-первых, это крупное животное, имеющее живой вес до 300 кг [Гептнер и др., 1961, с. 72], т.е. большое количество пригодной для утилизации биомассы. Это обеспечивает положительный баланс между энергией, затраченной на добычу, и энергией, полученной от потребления биомассы. Во-вторых, это стадное животное [Там же, с. 723–724], что при определенной организации промысла позволяет добывать сразу несколько особей, т.е. делает охоту очень эффективной. Таким образом, по объективным причинам это один из наиболее «выгодных» промысловых видов. Рассмотрим имеющиеся данные о взаимоотношении человека и лошади в позднем неоплейстоцене Урала.

Материалы и методика

На Урале известно более 120 местонахождений позднего неоплейстоцена, содержащих костные остатки настоящих лошадей. По механизмам накопления костей они относятся к пяти основным тафономическим типам: аллювиально-озерные (около 50 местонахождений); делювиальные (5 местонахождений); зоогенные отложения пещер и гротов (около 70 местонахождений); стоянки человека (7 местонахождений) и зоогенно-антропогенные в пещерах и гротах, в которых зоогенные отложения включают стоянки человека (25 местонахождений).

В работе использованы опубликованные [Бородин и др., 2000а, с. 75; 2000б, с. 24–25; Громова, 1948, с. 290; Историческая экология..., 1990, с. 88, 116, 142; Косинцев, 1996, с. 100–102; Косинцев и др., 2005, с. 204–205; Кузьмина И.Е., 1971, с. 56; 1975, с. 64; Кузьмина И.Е. и др., 1999, с. 6; Кузьмина С.А., 2000, с. 140; Петрин, Смирнов, 1977, с. 62; Подопривога, 2003, с. 190; Ражев и др., 2005, с. 195; Улитко, Широков, 2006, с. 56; Фадеева и др., 2005, с. 252; 1996, с. 12; Широков и др., 2011, с. 121; Vachura, Kosintsev, 2007, с. 126–127; Kosintsev, 2007, с. 117–119; Svendsen et al., 2010] и оригинальные данные о видовом составе локальных фаун из позднеоплейстоценовых местонахождений, которые расположены на территории Урала, включая археологические памятники.

Для изучения проблемы взаимодействия человека и лошади в позднем неоплейстоцене Урала имеются два вида источников: археологические памятники с отложениями, содержащими артефакты и кости лошади, и святилища — пещеры с настенными рисунками.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке программы развития ведущих научных школ (НШ-1022.2008.4) и научно-образовательных центров (контракт 02.740.11.0279) и Программы Президиума РАН «Происхождение биосферы и эволюция геобиологических систем» № 09-П-4-1001.

Лошадь (*Equus (Equus) sp.*) и человек в позднем неоплейстоцене Урала

Археологические памятники по генезису представленных в них отложений разделяются на два типа (табл. 1). Отложения в этих типах памятников различаются по роли человека в накоплении в них костных остатков.

Таблица 1

Структура источников и факторы накопления в них костей

Святынища	Археологические памятники с отложениями			
Пещеры	Стоянки с «чистым» культурным слоем Факторы: человек	Археологические памятники со смешанным слоем		
		Пещеры и гроты Факторы: хищники, человек	Аллювиально-озерные Факторы: водные потоки; хищники (?); человек (?)	Делювиальные Факторы: хищники; человек

Первый тип — стоянки с отложениями, представляющими собой культурный слой, накопление костей в котором происходило только в результате деятельности человека. Второй тип — археологические памятники, имеющие слои смешанного происхождения, в которых накопление костей связано с деятельностью человека и природных факторов. Последний тип включает три группы памятников. Первая группа — памятники в отложениях пещер и гротов, в которых накопление костных остатков происходило вследствие деятельности человека и хищников. Вторая группа — памятники в аллювиальных и озерных отложениях, в которых кости накапливались в результате работы водных потоков, возможно, при участии людей и хищников. Третья группа — памятники в делювиальных отложениях, в которых накопление костей является результатом деятельности людей и хищников.

В местонахождениях первого типа (стоянки) роль человека в накоплении костей несомненна, а в местонахождениях второго типа точно оценить роль человека и природных факторов в этом процессе невозможно. Большая часть местонахождений обоих типов содержит небольшое количество костей лошади.

В табл. 2 приведены известные на Урале палеолитические памятники, на которых найдены кости лошади, и их хронологическая позиция. Все использованные в работе материалы датированы радиоуглеродным или археологическим методами.

Таблица 2

Возраст археологических памятников с находками костей лошади

Хронопериод	Памятники
Невьянский интерстадиал — позднеледниковье 58–10,2 т.л.н.	Северный Урал: Уньинская (32), Черемухово 1, раскоп 2 (4). Средний Урал: Гари I (33), Рычково (34), Балакино (35), Евалга (36), Артюшка (37), Лыжин Мыс (38), Медведь-Камень (39); Шированово II (40). Южный Урал: Смеловская I (41), Максютковский (42), Ключевая (43), Бурановская (44)
Позднеледниковье, вторая половина полярно-уральского стадиала (сартанского стадиала, вторая половина МИС 2) 17–10,2 т.л.н.	Полярный Урал: Пымва-Шор (17). Средний Урал: Расик (18), Бобылек (19), Кумышанский (20), Котел (21), Усть-Койвинская (22), Дыроватый Камень на р. Серга (23), Зотинский I (24). Южный Урал: Троицкая I (25), Байсланташ (26), Балатукай (27), Кульюрт-Тамак (28), Устиново (29), Капова (30), Игнatieвская (31)
Максимальная стадия полярно-уральского стадиала (сартанского стадиала, первая половина МИС 2) 24–17 т.л.н.	Северный Урал: Медвежья (13). Средний Урал: Талицкого (Островная) (14), Столбовой (15), Безымянный (16)
Невьянский интерстадиал (каргинский интерстадиал, МИС 3); 58–24 т.л.н.	Полярный Урал: Мамонтова Курья (2), Бызовая (3). Северный Урал: Черемухово 1, раскоп 1 (4). Средний Урал: Заозерье (5), Гарчи I (6), Близначева (7), Большой Глухой (8), Большие Аллаки II (9). Южный Урал: Горново (10), Сикияз-Тамак 7 (11), Смеловская II (12)
Ханмейское время (ермаковское время, морская изотопная стадия (МИС) 5d–4); 117–58 т.л.н.	Южный Урал: Богдановка (1)

Все известные на Урале археологические памятники, содержащие кости лошади, датируются поздним неоплейстоценом, по археологической периодизации — поздним мустье и верхним палеолитом. Хронологически это период от 130 000 до 10 200 л.н. В табл. 2 приведено распределение памятников по хронопериодам, которые соответствуют климатостратиграфическим подразделениям позднего неоплейстоцена Урала [Стефановский, 2006, с. 8]. В скобках приведены синхронные стратиграфические подразделения Западно-Сибирской равнины [Унифицированная региональная стратиграфическая схема..., 2000, с. 4] и морские изотопные стадии

(МИС) [Mangerud, 1989, с. 2]. Границы климатостратиграфических подразделений позднего неоплейстоцена приведены по некалиброванным радиоуглеродным датам [Арасланов, 1992, с. 15]. Отложения ряда памятников имеют широкую дату (невьянский интерстадиал — позднеледниковье) (табл. 2).

На рис. 1 указано географическое положение анализируемых в работе памятников. Номера на рисунке соответствуют номерам в табл. 2.

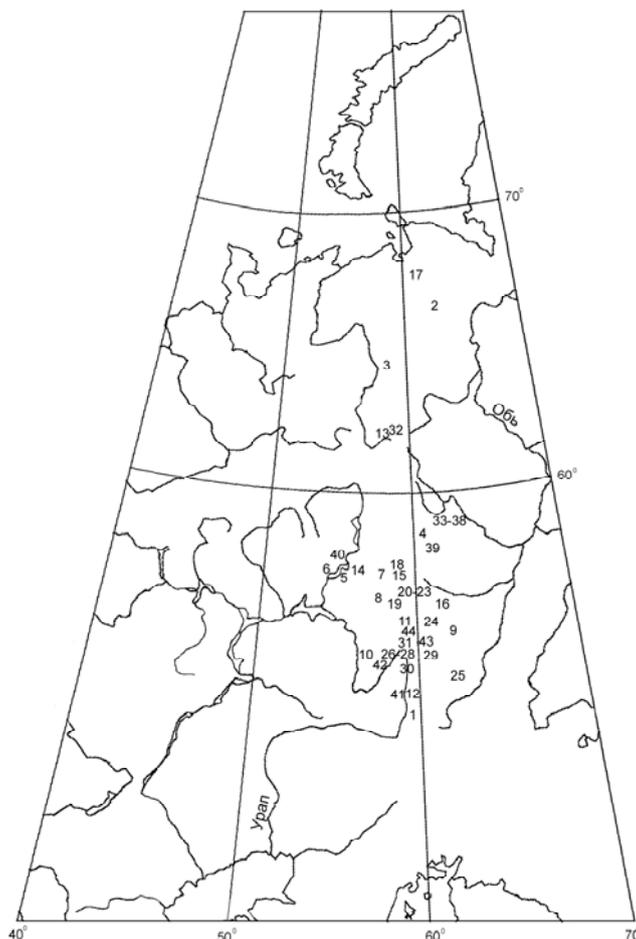

Рис. Карта-схема находок костных остатков лошади в позднем неоплейстоцене Урала

В табл. 3 приведены доли остатков лошади среди всех остатков копытных на Северном, Среднем и Южном Урале для разных хронопериодов. Для этого использованы данные только по тем местонахождениям, в которых количество остатков копытных было более 300 экз. Доли остатков лошади в отдельных местонахождениях одной территории в один период весьма сильно колеблются (табл. 3), что связано не только с различием численности лошадей в районе расположения местонахождения в прошлом, но и с различием механизмов накопления костных остатков, т.е. тафономии местонахождений. Для исключения влияния особенностей накопления костных остатков в отдельных местонахождениях, приведены средние значения для территорий по хронопериодам.

Как видно из табл. 3, во все периоды и на всей территории Урала доля лошади в составе фауны копытных была весьма велика — 18 % и более. Исключение составляет Северный Урал в позднеледниковье (табл. 3), что может быть связано с ограниченностью выборки. Таким образом, лошадь была одним из наиболее многочисленных видов копытных на всей территории Урала на протяжении позднего неоплейстоцена. Вследствие этого, а также приведенных выше биологических характеристик лошадь на протяжении позднего неоплейстоцена была одним из наиболее продуктивных объектов промысла.

Доли костных остатков лошади среди копытных животных, %

Регион	т.л.н.	Количество местонахождений	Min — Max	Среднее	Количество костей, экз.
Северный Урал	58–24	3	20–23	21	1679
	24–17	2	9–27	18	4468
	17–10,2	1	—	4	1455
Средний Урал	58–24	4	12–47	28	1489
	24–17	3	29–64	42	850
	17–10,2	10	7–64	27	12 013
Южный Урал	58–24	3	30–64	43	1993
	17–10,2	1	—	29	918

Описание археологических памятников

Кости лошади найдены на семи *стоянках*. Стоянка Богдановка (52° 24' с.ш., 59° 04' в.д.) относится к позднему мустье и по стратиграфическим данным культурный слой может быть датирован ханмейским временем, в интервале 60–70 т.л.н. [Широков и др., 2011, с. 119]. Здесь в культурном слое найдено 1815 каменных артефактов и зуб лошади от полузрелой особи [Там же, 2011, с. 113, 121].

Стоянка Заозерье (58° 09' с.ш., 56° 56' в.д.) датируется ранней порой верхнего палеолита. По костям и древесному углю из культурного слоя стоянки получено 10 радиоуглеродных дат в интервале от 31 000 до 35 100 л.н. [Павлов, 2009, с. 7], что соответствует середине невянского интерстадиала. В культурном слое найдено 1792 артефакта [Там же, с. 10, 13–14] и более чем 1800 костных остатков, среди которых доминируют кости лошади [Свендсен и др., 2008, с. 85].

Стоянка Гарчи I (59° 02' с.ш., 56° 10' в.д.) имеет радиоуглеродную дату 28 800 л. н. и OSL-дату для культурного слоя 33 000 л.н. [Свендсен и др., 2008, с. 87–88], что соответствует середине невянского интерстадиала. Относится к ранней поре верхнего палеолита. На ней найдено около 6000 каменных артефактов и небольшое количество костных остатков животных плохой сохранности, среди которых есть кости лошади [Там же].

На памятнике Большие Аллаки II (55° 18' с.ш., 60° 55' в.д.) найдены несколько костей лошади и своеобразный комплекс каменных изделий, в составе которого из 208 экз. 164 изготовлены из горного хрусталя [Жилина, Петрин, 1989, с. 47]. Памятник интерпретирован авторами как культовый [Там же, с. 48]. Он имеет радиоуглеродную дату 24 760±1095 л.н. (СОАН-2213) [Там же, с. 47], т.е. конец невянского интерстадиала.

Стоянка Талицкого (Островская) (58° 09' с.ш., 56° 56' в.д.) имеет радиоуглеродную дату 18 700±200 л.н. (ГИН-1907) [Щербакова, 1994, с. 10], что соответствует концу максимальной стадии полярно-уральского стадиала. В культурном слое стоянки найдено 4965 каменных и костяных артефактов [Там же, с. 22, 51] и 270 костей животных, среди которых 9 принадлежало лошади [Громов, 1948, с. 283].

Стоянка Широфаново II (58° 53' с.ш., 56° 04' в.д.) не имеет радиоуглеродной даты. Здесь найдено более 5000 каменных артефактов и многочисленные остатки крупных млекопитающих, среди которых доминирует лошадь [Макаров, Павлов, 2007, с. 9]. На основании типологии каменного инвентаря стоянка датируется концом максимальной стадии полярно-уральского стадиала — началом позднеледниковья [Павлов, 2008, с. 43], т.е. началом второй половины полярно-уральского стадиала. По характеристикам каменного инвентаря она является полным аналогом стоянки Талицкого [Макаров, Павлов, 2007, с. 12].

Стоянка Троицкая I (54° 05' с.ш., 61° 23' в.д.) имеет радиоуглеродную дату 16 300±300 л.н. (ИЭРЖ-165), т.е. позднеледниковье, вторая половина полярно-уральского стадиала. Здесь найдено 188 каменных артефактов и изделие из пястной кости лошади, которое условно можно назвать «выпрямителем» [Широков и др., 1996, с. 11–12].

Археологические памятники со смешанным слоем. Количество памятников этого типа значительно. Они представлены, как описано выше, тремя вариантами: местонахождения в гротах и пещерах, аллювиально-озерных и делювиальных отложениях.

Археологические памятники в гротах и пещерах. На Урале известно 25 таких памятников, в отложениях которых артефакты найдены вместе с костями лошади; радиоуглеродные даты имеются для 22 из них. Невьянским интерстадиалом датируется пять памятников. На Северном Урале это грот Черемухово 1 (раскоп 1, слой 10) (60° 24' с.ш., 60° 03' в.д.), где

найден нож, обломанный в виде асимметричного сегмента [Бородин и др., 2000в, с. 49]. Слой имеет возраст 26 000–31 500 л.н. [Струкова и др., 2006, с. 104] и содержит в составе фауны копытных 20 % костей лошади. На Среднем Урале два местонахождения. Грот Близначева (Белый) (59° 20' с.ш., 57° 49' в.д.), где найдено более 300 каменных артефактов, имеет дату 28 500 лет [Широков, 1998а, с. 88] и содержит в составе фауны 24 % остатков лошади. В гроте Большой Глухой (58° 16' с.ш., 57° 59' в.д.), в слое 9, который имеет дату 38 200 лет, найдено 3 отщепы [Гуслицер, Павлов, 1987, с. 18] и доля костей лошади составляет 3 %. На Южном Урале, в пещере Смеловская II (54° 53' с.ш., 52° 16' в.д.), для отложений которой получены даты 25 000, 31 000 и 41 000 л.н. [Кузьмина, 2000, с. 139], найдены серия каменных подвесок и немногочисленные каменные артефакты [Бадер, 1971, с. 203–206] и доля костей лошади в фауне составляет 64 %. В пещере Сикияз-Тамак 7 (55° 11' с.ш., 58° 38' в.д.), в отложениях с датой более 47 600 л.н., найдены несколько каменных артефактов и немногочисленные кости животных, в том числе лошади.

Максимальной стадией полярно-уральского стадиала датируются три археологических памятника. Наиболее известный из них — Медвежья пещера на Северном Урале (62° 0' с.ш., 58° 44' в.д.), где найдено около 1500 каменных и костяных артефактов [Гуслицер, Канивец, 1965, с. 93–125; Гуслицер, Павлов, 1988, с. 5–17]. Ее культурный слой по радиоуглеродным датам относится к концу максимальной стадии — 17 960±200 л.н. (ЛЕ-3059) и 16 130±150 л.н. (ЛЕ-3070) [Синицын и др., 1997, с. 63]. Доля костей лошади составляет 9 %. На Среднем Урале известно два местонахождения этого времени. В гроте Столбовом (58° 40' с.ш., 57° 34' в.д.), в слое с датой 22 890 лет [Там же, с. 62], найдено около 100 каменных артефактов [Широков, 1998б, с. 499–500], а доля костей лошади составляет 13 %. В отложениях грота Безымянный (56° 54' с.ш., 62° 05' в.д.), имеющих дату 19 240 л.н., где найдено 3 каменных и 6 костяных изделий [Петрин, Смирнов, 1977, с. 66–67], доля костей лошади составляет 33 %.

Позднеледниковьем или второй половиной полярно-уральского стадиала датируется 13 археологических памятников. Несколько стоянок находится на Среднем Урале. Самая крупная — в гроте Бобылек (56° 19' с.ш., 57° 39' в.д.) [Волокитин и др., 1992, с. 36]. В слое, который имеет даты 16 700 и 14 200 л.н. [Ражев и др., 2005, с. 194], найдено более 600 каменных и 31 костяной артефакт, в том числе метаподия лошади со следами утилизации [Волков и др., 2007, с. 102, 104]. Доля костей лошади составляет 19 %. В гроте Расик (59° 04' с.ш., 57° 33' в.д.), в отложениях, имеющих дату 12 600–13 300 л.н. [Фадеева и др., 2000, с. 290], найдено 2 каменных артефакта и доля костей лошади составляет 7 %. В пещере Дыроватый Камень на р. Серге (56° 31' с.ш., 59° 15' в.д.), в слое, который имеет дату 14 800 л.н., найдено 7 каменных артефактов и доля костей лошади составляет 14 % [Улитко, Широков, 2006, с. 54]. Слой в гроте около камня Котел (57° 45' с.ш., 58° 45' в.д.) содержал 4 каменных изделия [Сериков, 2000, с. 44], немногочисленные кости животных, в том числе лошади, и имеет дату 13 200 лет. В пещере Усть-Койвинская (Дыроватые ребра) (58° 15' с.ш., 58° 13' в.д.) 34 каменных артефакта [Там же, с. 46] и немногочисленные кости лошади происходили из слоя, имеющего возраст 12 700 л.н.

Отложения грота Зотинский I (56° 11' с.ш., 61° 42' в.д.), содержавшие 12 каменных изделий [Петрин, Смирнов, 1977, с. 64], имеют возраст 13 600 лет [Синицын и др., 1997, с. 62]. Кости лошади здесь составляют 64 %, 3 из них имеют следы от разделки орудием. Многочисленные каменные и единичные костяные артефакты, всего 1384 экз., найдены в отложениях грота Байсланташ (52° 54' с.ш., 56° 52' в.д.) [Котов, 2004, с. 38], имеющих возраст 13 500 лет, но крупным млекопитающим принадлежит только 10 костей, из которых 5 костей лошади [Yakovlev et al., 2006, с. 120]. Немногочисленные артефакты и кости лошади найдены в ряде гротов Южного Урала: Балатукай (53° 02' с.ш., 57° 04' в.д.) (возраст 13 800–13 500 л.н.), Кульюрт-Тамак (53° 03' с.ш., 57° 03' в.д.) (15 900–14 900 л.н.) [Нехорошев, Гиря, 2004, с. 17]; Устиново (54° 52' с.ш., 59° 58' в.д.) (возраст 12 400 л.н.) [Историческая экология..., 1990, с. 141, 143]. В культурном слое («горизонте посещения») Игнatieвской пещеры (54° 54' с.ш., 57° 47' в.д.), который имеет даты от 14 200 до 10 400 л.н. [Петрин, 1992, с. 163], среди многочисленных костных остатков найдено несколько костей лошади [Историческая экология..., 1990, с. 82].

Следует отдельно остановиться на находках в Кумышанской пещере (57° 58' с.ш., 58° 20' в.д.). В плейстоценовых отложениях здесь найдены 52 каменных и 1 костяной артефакт [Сериков, 2000, с. 195] и немногочисленные кости лошади. В слое, среди камней, был обнаружен в вертикальном положении почти целый череп лошади [Там же, с. 193]. Автор раскопок интерпретирует эту находку как культовый комплекс [Там же, с. 196]. Однако археозоологический анализ костного комплекса указывает на то, что подавляющее большинство костей в ней накопилось в ре-

Лошадь (*Equus (Equus) sp.*) и человек в позднем неоплейстоцене Урала

зультате жизнедеятельности хищных млекопитающих, и не подтверждает культовый характер комплекса. Как и в других местонахождениях этого типа, здесь мы имеем смешанный комплекс костных остатков, часть из которых, в том числе лошади, могла накопиться в результате деятельности человека. К этому комплексу, вероятно, относится радиоуглеродная дата 12 400 л.н.

В ряде пещер и гротов Урала найдены местонахождения с единичными артефактами и костями лошади, точные датировки которых не известны. На Северном Урале это местонахождение в Уньинской пещере на р. Унье [Павлов, 1997, с. 65] и Черемухово 1 (раскоп 2) в верховьях р. Сосьва [Бородин и др., 2000в, с. 49], на Среднем Урале — местонахождения в Медведь-Камне около г. Нижнего Тагила [Бадер, 1953, с. 320–321]; на Южном Урале — местонахождения в Ключевой и Бурановской пещерах на р. Юрюзань [Бибииков, 1950, с. 80, 86], в гроте Максютовском в верховьях р. Белой [Котов, 2009, с. 36] и в пещере Смеловская I на р. Урал [Сальников, 1952, с. 56].

Археологические памятники в аллювиальных и озерных отложениях. Местонахождений артефактов с костями лошади в отложениях этого типа известно 7.

В аллювиальном отложении Мамонтова Курья (66° 34' с.ш., 62° 25' в.д.) единичные артефакты найдены вместе с костями мамонта, лошади, северного оленя и волка, по костям которых получено девять радиоуглеродных дат в интервале 32 000–37 000 л.н. [Свендсен и др., 2008, с. 83–84]. Это позволяет датировать местонахождение серединой невянского интерстадиала. Местонахождение Гари (59° 25' с.ш., 62° 20' в.д.) представляет собой «мамонтовое кладбище», где найдено более 6000 костей мамонта, единичные кости других видов, в том числе лошади, и более 600 каменных и единичные костяные артефакты [Сериков, 2007, с. 42]. Накопление костей на «кладбище» происходило в период между 22 400 и 15 100 л.н. [Косинцев и др., 2005, с. 202], т.е. во второй половине максимальной стадии полярно-уральского стадиала и начале позднеледниковья. В районе местонахождения Гари обнаружено еще несколько аллювиальных местонахождений костей позднеледниковья, на которых есть артефакты позднеледниковья. Это Рычкова (59° 27' с.ш., 62° 21' в.д.), Балакино (59° 30' с.ш., 62° 18' в.д.), Евалга (59° 24' с.ш., 62° 20' в.д.), Артюшка (59° 19' с.ш., 62° 16' в.д.) и Демин (Лыжин) Мыс (59° 22' с.ш., 62° 17' в.д.). На них найдены единичные каменные и костяные артефакты [Сериков, 2008, с. 93–96] и многочисленные костные остатки, в том числе лошади. Время накопления этих остатков на разных местонахождениях несколько различается, но в целом охватывает период от 29 000 до 15 600 л.н. [Косинцев и др., 2005, с. 202], т.е. конец невянского интерстадиала и первую половину полярно-уральского стадиала. Местонахождение Горново (54° 54' с.ш., 55° 53' в.д.) расположено в озерных отложениях. Они содержали единичные каменные артефакты и кости, в том числе лошади, и имеют даты от 29 000 до 26 900 л.н. [Данукалова и др., 2001, с. 188; Котов, 2009], т.е. относятся к концу невянского интерстадиала.

Археологические памятники делювиального генезиса. Известно 2 местонахождения артефактов в отложениях этого типа.

Местонахождение Пымва-Шор (67° 10' с.ш., 60° 51' в.д.) содержало несколько каменных артефактов и кости животных, в том числе лошади. По костям получена серия дат от 16 900 до 13 100 л.н. [Свендсен и др., 2008, с. 92–93], что позволяет датировать местонахождение серединой полярно-уральского стадиала. Стоянка Бызовая (65° 01' с.ш., 57° 25' в.д.) представляет собой «мамонтовое кладбище», где среди более чем 4000 костей мамонта найдены немногочисленные кости других видов, в том числе лошади, и более 300 каменных артефактов. На основании серии из 24 радиоуглеродных дат время формирования основной части «кладбища» определяется в пределах 28 000–29 000 л.н. [Там же, с. 89], т.е. конца невянского интерстадиала.

На Южном Урале известны две пещеры с настенными рисунками, где имеются изображения лошади. Это Капова пещера (53° 02' с.ш., 57° 04' в.д.), в которой есть несколько очень реалистичных изображений лошади [Ščelinskij, Širokov, 1999, с. 37, 55]. Для культурного слоя получена серия дат от 16 000 до 13 900 л.н. [Котов, 2009, с. 38; Лисицын и др., 1997, с. 61; Ščelinskij, Širokov, 1999, с. 73], что позволяет косвенно датировать рисунки серединой полярно-уральского стадиала или серединой позднеледниковья. Игнатиевская пещера (54° 54' с.ш., 57° 47' в.д.) содержит несколько стилизованных изображений лошадей [Петрин, 1992, с. 52, 60; Ščelinskij, Širokov, 1999, с. 106, 119]. Датировка этих изображений не вполне ясна. Для культурного слоя получено семь конвенционных дат от 14 200 до 10 400 л.н. [Петрин, 1992, с. 163]. По краске с изображений получены 3 AMS-даты от 7900 до 6000 л.н. [Широков, 2006, с. 101]. По комплексу кос-

венных данных по крайней мере несколько изображений лошади в Игнatieвской пещере можно с уверенностью датировать концом полярно-уральского стадиала или концом неоплейстоцена.

Обсуждение

Рассмотренные выше данные свидетельствуют о большой роли лошади в жизни верхнепалеолитического населения Урала. На протяжении позднего неоплейстоцена она представляла один из наиболее многочисленных видов копытных на всей территории Урала. Вероятно, в среднем палеолите и, несомненно, на протяжении всего верхнего палеолита лошадь принадлежала к числу основных промысловых видов.

Археологическими памятниками, материалы которых адекватно отражают роль лошади в промысловой добыче палеолитического населения, являются стоянки. На Урале имеется только три стоянки, материалы которых достаточны для того, чтобы оценить структуру промысловой добычи: Заозерье, Талицкого и Широфаново II. Все они расположены в западной части Среднего Урала, но относятся к разным хронопериодам. Как отмечено выше, стоянка Заозерье существовала в период невянского интерстадиала, стоянка Талицкого — в период максимальной стадии полярно-уральского стадиала, а Широфаново II — в период максимальной стадии или начале позднеледникового полярно-уральского времени. На двух из них — Заозерье и Широфаново II среди промысловой добычи доминирует лошадь, а на третьей — северный олень. Может быть несколько объяснений различия структуры промысловой добычи на этих стоянках. Во-первых, его можно было бы объяснить различием численности лошади в природе в разные климатические периоды, так как стоянка Заозерье существовала в период относительно теплого невянского интерстадиала, стоянка Талицкого — в период максимума полярно-уральского стадиала. Однако выше было показано, что доля лошади среди копытных на протяжении всего позднего неоплейстоцена на Среднем Урале была высокой, а в максимум полярно-уральского времени — наибольшей (табл. 2). То есть выявленное различие в структуре промысловой добычи на этих памятниках не связано с численностью лошади в природе. Во-вторых, причиной может быть географический фактор, проявляющийся в том, что численность этих видов имеет географическую изменчивость (например, с запада на восток или с севера на юг). В данном случае этот фактор не мог оказывать влияния, так как памятники расположены на территории радиусом около 70 км, а стоянки Талицкого и Заозерье на расстоянии 40 км друг от друга. В-третьих, объяснением может быть различие в культурных традициях. Но по культуроопределяющим признакам Заозерье «...является полной аналогией стоянки Талицкого» [Макаров, Павлов, 2007, с. 12]. В то же время стоянка Заозерье не имеет аналогов на Урале и в прилегающих регионах [Павлов, 2009, с. 16]. То есть состав добычи на однокультурных стоянках был различен, а на разнокультурных — одинаков. Таким образом, культурные традиции не могут быть причиной разницы в структуре добычи. Несомненно, разница обуславливалась различным распределением в пространстве и во времени (по сезонам года) лошадей и северных оленей. Палеолитические охотники прекрасно знали маршруты и сроки миграций копытных и устраивали стоянки в районах их наибольшей концентрации. В районах расположения стоянок Заозерье и Широфаново II в определенный сезон/сезоны происходили концентрации лошадей, а в районе стоянки Талицкого — северного оленя. При этом практически одно и то же население (Широфаново II и стоянки Талицкого) успешно охотилось и на лошадь и на северного оленя. Это однозначно указывает на отсутствие какой-либо промысловой специализации в верхнем палеолите. Структура добычи у населения конкретного района зависела от сезона: в одном месте в один сезон могли добывать один вид (например, лошадь), а в другой сезон — другой вид (северного оленя).

Материалы из памятников со смешанным культурным слоем, даже из тех, где объемы археологических и палеозоологических материалов достаточны (Медвежья пещера, грот Бобылек), не позволяют пока охарактеризовать структуру промысловой добычи хотя бы приблизительно. Для того чтобы это сделать, необходимо предварительно провести археозоологический анализ комплекса костных остатков с целью оценки роли хищников и человека в его формировании.

Заключение

Проведенный обзор материалов позволяет говорить о том, что с лошадью связаны многие стороны жизни древнего населения Урала. На протяжении всего позднего неоплейстоцена лошадь была одним из основных, а в определенные сезоны и в определенных местах — основным промысловым видом. Кости лошади использовались для изготовления орудий. Лошадь

Лошадь (*Equus (Equus) sp.*) и человек в позднем неоплейстоцене Урала

занимала важное место в культовой практике, о чем свидетельствуют ее изображения на стенах пещер. Вместе с тем пока невозможно в полной мере охарактеризовать значение лошади для человека позднего неоплейстоцена Урала. Связано это с тем, что не все имеющиеся данные опубликованы и проанализированы, а кроме того, их явно недостаточно для получения целостной картины. Для большинства хронологических периодов и территорий отсутствуют полноценные источники данных, прежде всего стоянки. Как показывают материалы исследований стоянок Заозерье, Талицкого, Широфаново II, перспективы пополнения этой базы на Урале есть.

Как уже отмечалось, на протяжении большей части позднего неоплейстоцена лошадь была одним из основных промысловых видов на Урале. Однако промысловая нагрузка была относительно небольшой, так как не приводила к заметному снижению ее численности. На это указывает постоянно высокая доля ее остатков в местонахождениях разного времени в разных регионах Урала (табл. 3). Лошадь на Урале успешно пережила плейстоцен-голоценовый переход [Косинцев, 2003, с. 62] и на Северном Урале обитала еще в раннем голоцене [Bachura, Kosintsev, 2007, с. 123]. В этот же период началось отступление ее ареала к югу, и окончательное исчезновение произошло с территории Южного Урала в среднем или позднем голоцене [Косинцев, Гасилин, 2008, с. 91–92].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арасланов Х.А. Геохронологическая шкала позднего плейстоцена Русской равнины // Геохронология четвертичного периода. М., 1992. С. 10–19.
- Бадер О.Н. Археологические памятники Тагильского края // Уч. зап. Молот. гос. ун-та им. Горького. Молотов: Молотов. кн. изд-во, 1953. Т. 8, вып. 2. С. 311–364.
- Бадер О.Н. Смеловская II — палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // МИА. 1971. № 173. С. 200–208.
- Бибиков С.Н. Пещерные палеолитические месторождения в нагорной полосе Южного Урала // СА. 1950. № 12. С. 66–104.
- Бородин А.В., Косинцев П.А., Струкова Т.В. и др. Млекопитающие, птицы и рыбы из местонахождения Черемухово 1 (раскоп 2) // Плейстоценовые и голоценовые фауны Урала. Челябинск: Рифей, 2000а. С. 59–80.
- Бородин А.В., Струкова Т.В., Косинцев П.А. и др. Новые данные о природной среде Среднего Урала в позднечетвертичное время (местонахождение Шайтанозерский каменный остров) // Плейстоценовые и голоценовые фауны Урала. Челябинск: Рифей, 2000б. С. 17–35.
- Бородин А.В., Струкова Т.В., Улитко А.И. и др. Черемухово 1 — новый историко-экологический и археологический памятник Северного Урала (местоположение и стратиграфия) // Плейстоценовые и голоценовые фауны Урала. Челябинск: Рифей, 2000в. С. 36–58.
- Волков Р.Б., Широков В.Н., Улитко А.И. Изделия из кости, бивня и рога с верхнепалеолитической стоянки в гроте Бобылек // РА. 2007. № 4. С. 102–106.
- Волокитин А.В., Смирнов Н.Г., Широков В.Н. и др. Грот Бобылек — новый памятник конца верхнего палеолита на Среднем Урале // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск: ИАЭ РАН, 1992. С. 36–39.
- Гептнер В.Г., Насимович А.А., Банников А.Г. Млекопитающие Советского Союза. Т. 1: Парнокопытные и непарнокопытные. М.: Высш. шк., 1961. С. 687–729.
- Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР: (Млекопитающие, палеолит) // Тр. Ин-та геол. наук. 1948. Вып. 64, № 17. С. 290.
- Громова В.И. Краткий обзор четвертичных млекопитающих Европы. М.: Наука. 1965. 144 с.
- Гуслицер Б.И., Канивец А.И. Пещеры Печерского Урала. Л.: Наука, 1965. 134 с.
- Гуслицер Б.И., Павлов П.Ю. О первоначальном заселении северо-востока Европы. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1987. Вып. 172. 24 с.
- Гуслицер Б.И., Павлов П.Ю. Верхнепалеолитическая стоянка Медвежья пещера // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Сыктывкар, 1988. Вып. 11. С. 5–18.
- Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., Котов В.Г. Палеолитическое местонахождение Горнова: Проблема возраста // Проблемы первобытной культуры. Уфа: Гилем, 2001. С. 187–189.
- Жилина И.В., Петрин В.Т. Оригинальная индустрия из Кыштымского озерного края (к проблеме появления культурных мест на Урале) // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытнообщинного строя (информационные материалы). Свердловск, 1989. С. 46–48.
- Историческая экология животных гор Южного Урала / Н.Г. Смирнов, В.Н. Большаков, П.А. Косинцев и др. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. 243 с.

П.А. Косинцев, Н.А. Пластеева

Косинцев П.А. Фауна крупных млекопитающих Северного Урала в позднем плейстоцене и голоцене // *Материалы и исследования по истории современной фауны Урала.* Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996. С. 84–109.

Косинцев П.А. Позднеплейстоценовые и голоценовые крупные млекопитающие Урала // *Четвертичная палеозоология на Урале.* Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. С. 55–72.

Косинцев П.А., Бачура О.П., Сериков Ю.Б. и др. Крупные млекопитающие севера Среднего Зауралья в конце позднего неоплейстоцена // *Квартер-2005. IV Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода: Материалы совещ.* Сыктывкар, 2005. С. 203–205.

Косинцев П.А., Гасилин В.В. Вековая динамика фауны крупных млекопитающих Южного Урала // *Вестн. Оренб. гос. ун-та.* 2008. № 12 (94). С. 89–94.

Котов В.Г. Исторический Башкортостан в эпоху камня. Палеолит // *История башкирского народа.* М.: Наука, 2009. Т. 1. С. 23–53.

Кузьмина И.Е. Формирование териофауны Северного Урала в позднем антропогене // *Материалы по фауне антропогена СССР.* Л., 1971. С. 44–122.

Кузьмина И.Е. Некоторые данные о млекопитающих Среднего Урала в позднем плейстоцене // *Бюл. Комиссии по изучению четвертич. периода АН СССР.* 1975. № 43. С. 63–77.

Кузьмина И.Е., Саблин М.В., Цыганова С.А. Видовой состав и морфологические особенности млекопитающих из грота Большой Глухой на Среднем Урале // *Охранные археологические исследования на Среднем Урале.* Екатеринбург: БКИ, 1999. Вып. 3. С. 4–14.

Кузьмина С.А. Фаунистические данные по позднепалеолитической стоянке Смеловская II на Южном Урале // *Плейстоценовые и голоценовые фауны Урала.* Челябинск: Рифей, 2000. С. 137–153.

Лисицын Н.Ф., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С. и др. Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии: Проблемы и перспективы. СПб.: ИИМК, 1997. 143 с.

Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю. Стоянка Широфаново II — новый памятник позднего палеолита в бассейне верхней Камы // *Каменный век Европейского Севера.* Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 7–13.

Нехорошев П.Е., Гуря Е.Ю. Некоторые итоги исследований верхнепалеолитической стоянки в пещере Кульюрт-Тамак (Южный Урал) // *Уфим. археол. вестн.* Уфа: Гилем, 2004. С. 12–35.

Павлов П.Ю. Палеолит // *Археология республики Коми.* М.: ДИК, 1997. С. 44–90.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: Новые данные // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2008. № 1 (33). С. 33–45.

Павлов П.Ю. Стоянка Заозерье — памятник начальной поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы // *РА.* 2009. № 1. С. 5–17.

Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // *Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири.* Свердловск, 1977. С. 56–72.

Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992. 207 с.

Подопригора И.Н. Позднеплейстоценовые фауны млекопитающих из карстового комплекса Сурия 1–7 // *Проблемы глобальной и региональной экологии: Мат-лы конф. молодых ученых.* Екатеринбург, 2003. С. 188–191.

Ражев Д.И., Косинцев П.А., Улитко А.И. Фауна крупных млекопитающих позднего плейстоцена и голоцена из грота Бобылек (Средний Урал) // *Фауны Урала и Сибири в плейстоцене и голоцене.* Челябинск: Рифей, 2005. С. 190–210.

Сальников К.В. Южно-Уральская археологическая экспедиция // *КСИИМК.* 1952. Вып. 45. С. 48–61.

Свендсен Й. И., Павлов П., Хегген Х. и др. Природные условия плейстоцена и палеолитические стоянки на севере западного склона Уральских гор // *Путь на север: Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики: Мат-лы междунар. конф.* М., 2008. С. 79–97.

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: Полиграфист, 2000. 430 с.

Сериков Ю.Б. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил, 2007. 138 с.

Сериков Ю.Б. Новые местонахождения палеолита на р. Сосьве // *Тр. КАЭЭ.* 2008. Вып. 5. Пермь, 2008. С. 92–96.

Синицын А.А., Праслов Н.Д., Свеженцев Ю.С. и др. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // *Археологические изыскания.* СПб., 1997. Вып. 52. С. 21–67.

Стефановский В.В. Плиоцен и квартал Восточного склона Урала и Зауралья. Екатеринбург: ИГГ УрО РАН, 2006. 223 с.

Струкова Т.В., Бачура О.П., Бородин А.В. и др. Первые находки фауны млекопитающих в аллювиально-спелеогенных образованиях позднего неоплейстоцена и голоцена Северного Урала (Черемухово-1) // *Стратиграфия. Геологическая корреляция.* 2006. Т. 14, № 1. С. 98–108.

Улитко А.И., Широков В.Н. Открытие палеолитического памятника в пещере Дыроватый камень на реке Сергее (Средний Урал) // *Пятое Берсовское чтения.* Екатеринбург: Квадрат, 2006. С. 54–56.

Лошадь (*Equus (Equus) sp.*) и человек в позднем неоплейстоцене Урала

Унифицированная региональная стратиграфическая схема четвертичных отложений Западно-Сибирской равнины: Объяснит. зап. Новосибирск: СНИИГГ и МС, 2000. 64 с.

Фадеева Т.В., Смирнов Н.Г., Косинцев П.А. и др. Мелкие млекопитающие многослойного местонахождения костных остатков в гроте Расик (Пермское Прикамье) // Биосфера и человечество: Мат-лы конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2000. С. 289–294.

Фадеева Т.В., Саранчин А.В., Меньших М.С. и др. Ископаемая териофауна пещеры Верхнегубахинская (Пермское Предуралье) // Фауны Урала и Сибири в плейстоцене и голоцене. Челябинск: Рифей, 2005. С. 238–259.

Широков В.Н. Близнацова грот (Белый) // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1998а. С. 88.

Широков В.Н. Столбовой грот // Там же. 1998б. С. 499–500.

Широков В.Н. Проблема возраста настенных изображений Игнatieвской пещеры в связи с первыми радиоуглеродными датировками красочного пигмента // РА. 2006. № 2. С. 99–105.

Широков В.Н., Косинцев П.А., Волков Р.Б. Палеолитическая стоянка Троицкая I на реке Уй // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей, 1996. С. 3–17.

Широков В.Н., Волков Р.Б., Косинцев П.А. и др. Палеолитическая стоянка Богдановка (Южный Урал) // РА. 2011. № 1. С. 111–125.

Щербакова Т.И. Материалы верхнепалеолитической стоянки Талицкого (Островской). Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 96 с.

Bachura O., Kosintsev P.A. Late Pleistocene and Holocene small- and large-mammal faunas from the Northern Urals // Quaternary International. 2007. Vol. 160, Issue 1. P. 121–128.

Kosintsev P. Late Pleistocene large mammal faunas from the Urals // Quaternary Intern. 2007. Vol. 170. P. 112–120.

Mangerud J. Correlation of the Eemian and the Weichselian with deep sea oxygen isotope stratigraphy // Quaternary International. 1989. Vol. 3/4. P. 1–4.

Ščelinskij V.E., Širokov V.N. Höhlenmalerei im Ural. Kapova und Ignatievka. Sigmaringen: Thorbecke, 1999. 171 с.

Svendsen J.I., Heggen H.P., Hufthammer A. K. et al. Geo-archaeological investigations of Palaeolithic sites along the Ural Mountains — On the northern presence of humans during the last Ice Age // Quaternary Science Reviews. 2010.

Yakovlev A., Danukalova G., Kosintsev P. et al. Biostratigraphy of the Late Palaeolithic site of «Bajslan-Tash cave» (the Southern Urals) // Quaternary Intern. 149. 2006. P. 115–121.

Екатеринбург, ИЭРиЖ УрО РАН
kra@ipae.uran.ru
plasteeva@rambler.ru

*The article analyzes data from sites of Middle and Late Paleolithic Age on the territory of the Urals, containing remnants of horses (*Equus (Equus)*). It is shown that the horse had a great significance in different fields of man's life. During the whole Late Pleistocene, it was one of the principal commercial species, while during certain seasons and in definite places — the principal one. The horse's bones were used for making tools. It also occupied an important place in cultic practice. At that, the commercial load on the horse population in Upper Neopleistocene remained insignificant, without resulting in decrease of their number.*

Paleolithic Age, Late Neopleistocene, Urals, horse, hunting.